

Два дня спустя настал день, когда Цюань Суя должна была покинуть гору.

Рано утром, когда Лянь Цзяньюэ спустился умыться, предрассветные сумерки еще толком не рассеялись. Во дворе он застал младшую соученицу: раскрасневшаяся Суя как раз тащила ведро, чтобы наполнить кувшин для воды, воротник ее спортивной майки потемнел от пота. Заметив Цзяньюэ, она бодро и звонко поздоровалась — энергии в ней было хоть отбавля.

Цзяньюэ невольно удивился. Младшая ученица вошла в орден всего пару лет назад. Ее семья жила на северо-востоке, родители были потомственными ювелирами по золоту и серебру и давно дружили со старым мастером Бянем. Если заглянуть дальше в прошлое, их связывали даже узы одной школы. По словам старого мастера Бяня, они втроем были последними преемниками легендарного кузнеца-оружейника, Отшельника Чжаньлу. Именно поэтому старик согласился взять Суя в ученицы, несмотря на то что она уже давно переросла привычный для начала обучения возраст.

Когда девушка совершила земной поклон и поднесла мастеру Бяню чай в знак почтения, ее характер и привычки уже полностью сформировались. Чего стоил хотя бы распорядок дня в горах: за два года она так и не привыкла к нему — вечно позже всех вставала и позже всех ложилась. Стоило старому наставнику прикрикнуть на нее, как она тут же становилась шелковой, но ненадолго — вскоре все возвращалось на круги своя. Увидев ее сегодня в такую рань, Цзяньюэ подумал, что вчера ей, должно быть, крепко досталось от наставника.

— Третий шисюн, и нечего тут выдумывать! — весело отозвалась Цюань Суя. — В последнее время я вела себя тише воды, ниже травы. Просто уезжаю на несколько месяцев и не хочу перед дорогой нарываться на очередную головомойку!

В этот момент с улицы вошел старый мастер Бянь, а за ним следом — Синшань с Бянь Шичжэнь и ее мужем. Поприветствовав друг друга у водоема, все дружно принялись за работу. В кувшине Цзяньюэ воды оставалось меньше всего, так что ему пришлось сделать пару лишних заходов к источнику, пока емкость не наполнилась до краев.

Завтракали в Усадьбе Клана Бянь без лишних церемоний: за стол садились поодиночке, не дожидаясь остальных, быстро перекусывали и расходились по делам. По-настоящему все собирались только к обеду.

Когда Цзяньюэ устроился с чашкой во внутреннем дворике, за столом оставались лишь Бянь Шичжэнь и Цюань Суя. Негромко бормотал радиоприемник, передавая утренние новости. Все трое молчали. Суя явно с трудом сдерживалась, чтобы не заговорить: обхватив чашку обеими руками, она крошечными глотками цедила соевое молоко и то и дело поглядывала то вправо на старшую шицзе, то влево на Цзяньюэ. Глаза ее так и искрились любопытством, но она так и не проронила ни слова.

Цзяньюэ неторопливо ел рисовую кашу с маринованными огурцами, прислушиваясь к диктору. Новости с самого утра сыпались безрадостные: то пятидесятилетняя владелица консорциума «Сян» Сян Ии внезапно слегла с тяжелой болезнью и была госпитализирована, то великий

мастер пекинской оперы Юй Дунсюань таинственным образом сгорел заживо в собственном доме-сихэюане в Пекине, то на развилке скоростного шоссе под Цзясином перевернулся грузовик службы доставки, из-за чего водителей просили выбирать пути объезда. Ни единой вести, которая могла бы хоть немного поднять настроение.

— Что ни день, то покойники, то разбитые посылки... — внезапно пробормотала Суя.

Бянь Шичжэнь отложила палочки и посмотрела на Цзяньюэ. Заметив этот взгляд, он сразу понял, что старшая шицзе хочет о чем-то поговорить, поэтому тоже поспешно опустил пиалу и выпрямился, приготовившись слушать.

— Учитель ушел медитировать, а Синшань с Ючжи уже отправились растапливать горн, — ровным тоном произнесла Бянь Шичжэнь. — Проводи Суя в пещеру, пусть поднесет благовония предкам перед дорогой.

Суя хлопнула ресницами и послушно опустила голову. Цзяньюэ согласно кивнул.

Закончив разговор, Бянь Шичжэнь унесла посуду на кухню, а спустя минуту вышла со двора и скрылась за воротами усадьбы.

Как только за ней закрылась дверь, Цзяньюэ наспех доел кашу, а Суя в два глотка прикончила свое молоко. Сполоснув посуду, они взяли из кухни свежие фрукты, благовонные палочки, коробок спичек и мощный фонарь, после чего поспешили на выход.

По дороге к пещере Суя принялась болтать обо всем подряд:

— Ладно я — мастерства не хватает, вот меня и не пускают в кузницу. Но ты-то, третий шисюн? Только вернулся, а тебя уже сослали на задворки?

— Меня долго не было, — отозвался Цзяньюэ. — Самое время засвидетельствовать почтение основателям школы.

Суя прыснула от смеха. Они шагали по узкой, вымощенной галькой тропинке. Весна уже давно укутала горы зеленым ковром; повсюду пробивались молодые побеги, а вдоль обочины пестрели мелкие фиолетовые и желтые бутоны. Суя то и дело тянулась сорвать очередной цветок.

— Слушай, шисюн, а наследство твоего отца... Оно ведь наверняка стоит целое состояние?

— Обычный меч.

— Значит, теперь он твой! Ты ведь так давно мечтал о собственном клинке.

— Я мечтал о клинке, который выкую сам.

— Ну так выкуй!

— В кузнице и так работы по горло. С какой стати я буду тратить время на собственные прихоти?

Сорвав очередной цветок, Суя хитро прищурилась и повернулась к нему:

— Ой, да ладно! Просто боишься, что старшая шицзе опять разозлится.

Болтая, она протянула руку к пышному кусту цветущего Шиповника гладкого. Заметив острые шипы, Цзяньюэ мгновенно перехватил ее ладонь, накрыв пальцами белые бутоны до того, как она успела уколоться. Суя испуганно вздрогнула, уставившись на него округлившимися глазами. Но стоило ей опустить взгляд и увидеть ладонь Цзяньюэ, как недоумение сменилось досадой. Она принялась сердито пинать злосчастный куст:

— Да что это за колючки дурацкие прямо у дороги?! Только людей калечат!

— Оставь его в покое, куст тут ни при чем, — остановил ее Цзяньюэ.

Он раскрыл ладонь: в кожу впилось несколько мелких заноз, выступили капельки крови. Осторожно вытаскивая шипы, он добавил:

— Сама виновата, под ноги надо смотреть, когда идешь.

— Мог бы просто крикнуть, — буркнула Суя.

— Не успел бы. И тогда шипы собирала бы ты.

— Наставник меня убьет... — Суя принялась помогать ему вытаскивать колючки, виновато сопя. — Он всегда твердит, что наши руки важнее и дороже, чем руки любого фехтовальщика.

Цзяньюэ легонько потрепал ее по волосам:

— Если мы оба промолчим, никто про эти царапины не узнает. Но если тебя так мучает совесть, можешь застраховать мои руки, когда спустишься в город.

Девушка прыснула, подняла его руку к свету и внимательно осмотрела ладонь. Убедившись, что все занозы извлечены, она наконец отпустила его.

Минут через десять они добрались до укрытого за водопадом грота — того самого темного провала, в который Цзяньюэ заглядывал накануне вечером. Включив фонарь, они прибрали увядшие подношения, расставили свежие фрукты и зажгли благовония перед изваяниями божеств.

Сгребая засохшие корки, Суя заметила:

— Удивительное все-таки место. Еда здесь никогда не гниет и мух не привлекает.

— Потому наставник и решил обосноваться именно здесь, — пояснил Цзяньюэ. — В горах сыро, но в этой пещере воздух будто фильтруется, забирая всю лишнюю влагу. Сейчас для этого есть осушители воздуха, а сорок-пятьдесят лет назад о технологиях никто не слышал. Для ковки же сырость — злейший враг.

Вдруг из глубины пещеры раздался зычный, полный силы голос:

— А-Юэ!

Сuia направила луч фонаря в темноту. Цзяньюэ прищурился: к ним скорой, уверенной походкой шел невысокий, жилистый мужчина с угольно-черной шевелюрой и смуглым лицом. На нем были простые шорты, футболка и резиновые сланцы. Шел он без фонаря, заложив руки за спину, а на лице блуждала широкая довольная улыбка.

Цзяньюэ сразу узнал гостя и поспешил поклониться:

— Мастер Хэ! Рад вас видеть.

Это был Хэ Сяошу — тот самый оружейник, заказавший у них парные сабли Бабочки.

Когда мастер Хэ подошел ближе, в свете фонаря проступили глубокие морщины, выдававшие его истинный возраст. Он дружески похлопал Цзяньюэ по плечу, затем перевел взгляд на Суя и зычно представился:

— А это, стало быть, ваша младшенькая? Впервые вижу! Хэ Сяошу из Фошаня!

Под сводами пещеры раскатилось эхо.

Сuia чинно сложила ладони в приветственном жесте, невольно повысив голос. Лицо ее мгновенно приняло серьезное выражение, и она отчеканила:

— Цюань Суя из Паньцзиня! Ученица мастера Бянь Жугоу из Пиньяна!

— Ну, ведите к вашему наставнику! — махнул рукой Хэ Сяошу.

Он бодро зашагал к выходу, а Цзяньюэ с Суя пристроились следом. Остроязычная девчонка перед незнакомцем внезапно оробела: шла молча, опустив глаза. Цзяньюэ тем временем завел с гостем неспешный разговор.

— Вчера мне довелось взглянуть на сабли, что выковала для вас старшая шицзе. Отличная работа, мастер Хэ.

— Да я поначалу твоему учителю так и говорил: пусть А-Юэ кует, он же владеет техникой «Закалка Света и Постижение Луны», у твоей шицзе мастерства маловато, — заговорил старик на ломаном путунхуа с сильным южным акцентом. — Но Бянь Жугоу возразил, мол, уехал ты по делам и бог знает когда вернешься. К тому же сроки поджимали. Да и зачем тебе, говорит, эта техника, если саблями никто махать на улицах не собирается? Твой наставник — признанный авторитет, пришлось согласиться.

Он расплылся в улыбке:

— У меня ведь внук родился! Ха-ха! На обряде первого года этот карапуз сразу к игрушечному ножу потянулся. Вот я и решил заказать ему настоящие сабли к первому дню рождения.

— Прекрасный подарок. Поздравляю от души.

Хэ Сяошу вздохнул, улыбка не сходила с его лица, но между бровей пролегла складка:

— Невестка, правда, как узнала — чуть умом не заменялась от гнева. Эх, глупая женщина, она и понятия не имеет, сколько золотых браслетов можно выменять за такие клинки!

За разговором они подошли к Усадьбе Клана Бянь. Дверь была отперта, и они вошли во внутренний двор. Старый мастер Бянь сидел в одиночестве во внутреннем дворике, потягивая чай и листая старую книгу. Рядом стояли два длинных деревянных стола, заваленных сушившимися на солнце фолиантами.

Стоило старым друзьям встретиться взглядами, как их лица озарились искренней радостью. Бянь Жугоу поднялся навстречу, приветственно сложив руки. Хэ Сяошу ответил тем же:

— Мастер Бянь, снова я к вам с визитом, не обессудьте!

Бянь Жугоу жестом пригласил гостя садиться, передал свою книгу Цзяньюэ и велел:

— Суя, позови Шичжэнь.

Девушка тут же умчалась. Цзяньюэ налил гостю свежего чаю из глиняного чайника. Наставник кивком разрешил ему остаться. Устроившись на краешке скамьи, Цзяньюэ взглянул на обложку переданной ему книги. Это оказались «Записки о явленных демонах и чудовищах» Мучжу Даожэня — тот самый трактат, о котором учитель упоминал накануне, как о единственном источнике с описанием Меча Плачущего Дождя. Цзяньюэ торопливо углубился в чтение.

Тем временем Хэ Сяошу заговорил с хозяином дома:

— Пока добирался к вам, успел повидать многих. Слышал про Девятого господина?

— Слышал, — глухо отозвался Бянь Жугоу. — На похороны не поехал. Близко мы не общались, да и смотреть на то, как уходят сверстники... Лишь душу бередить.

Хэ Сяошу тяжело вздохнул. Старый мастер погладил шершавую столешницу:

— За последние пару недель только и слышно, что о смертях. Дело не в нежелании мириться со старостью, просто... Вдруг понимаешь, насколько близко подобралась черта.

Цзяньюэ почувствовал, как к горлу подступает ком. Буквы перед глазами расплылись, он замер, сжимая древний том пальцами.

Желая разрядить обстановку, Хэ Сяошу несильно хлопнул ладонью по столу и усмехнулся:

— Приезжай ко мне в гости, как выберешь время. Пока дышим, надо видаться чаще, разговаривать. С молодежью-то нам делить нечего, о чем с ними толковать? В наши годы только воспоминаниями и сыт, а как начну сыну рассказывать о былых временах, он аж морщится. Говорит: «Папа, твои байки скучнее мыльных опер». Я ему: «Ладно, давай вместе телевизор посмотрим, там как раз сериал крутят, где твой шишу ставил боевые сцены».

— А он отмахивается, мол, все эти драки на экране — сплошная фальшь. Ему подавай фантастику, где на кораблях по космосу летают или спецагенты бомбы воруют. Я поражаюсь: неужто это не фальшивка? А он отвечает: «Конечно фальшивка, но зато захватывающая! А ваши фильмы про кунг-фу пытаются казаться правдой, оттого и выглядят нелепо и напыщенно, только раздражают».

Бянь Жугоу тихо рассмеялся, Хэ Сяошу подхватил его смех. Но Цзяньюэ улыбнуться не мог.

Цзяньюэ неотрывно смотрел на учителя.

"Как же сильно сдал наставник... — подумал он с невольной грустью. — И почему он так внезапно постарел?"

Старик словно переродился: стал мягче, чаще улыбался. С самого вчерашнего вечера Цзяньюэ не слышал от него ни одного резкого слова.

Быть может, когда смерть забирает одного знакомого за другим, человек черствеет снаружи, но становится ранимым внутри. Ничто не меняет нас сильнее, чем близость небытия. Наверное, в этом и кроется суть старой мудрости: перед лицом вечности умолкает бывшая суровость.

Пока Цзяньюэ предавался мрачным размышлениям, во двор вошла Бянь Шичжэнь. Рукава ее рубахи были закатаны по локоть, со лба крупными каплями катился пот. Поприветствовав гостя, она выдохнула:

— Мастер Хэ, я сейчас принесу ваши сабли!

Она повернулась в сторону заднего двора. Хэ Сяошу, глядя ей вслед, обратился к Бянь Жугоу:

— Взял бы ты Минмин и Шичжэнь да приехал ко мне в Фошань погостить. Вы ведь не гонитесь за планом, пара недель погоды не сделает. Мне кажется, девчонка совсем зачахла в этих глухих горах. Шичжэнь, ты хоть раз бывала в провинции Гуандун?

Бянь Шичжэнь обернулась и с улыбкой ответила:

— Куда мне ехать, заказов навалилось — вздохнуть некогда. Лучше вы отца уговорите. В кузнице его помощь уже не требуется, мы со всем справляемся сами. Ему бы побольше гулять, спускаться к людям, а он носа со двора не кажет. Скоро совсем затворником станет! Никуда его не вытащить. Если бы не сегодняшняя просушка книг, так и просидел бы сычом в четырех стенах.

С этими словами она скрылась в проходе, ведущем на задний двор.

Бянь Жугоу лишь усмехнулся и сделал глоток чая. Цзяньюэ молча подливал воду в пиалы старших, поражаясь про себя. Раньше, заговори старшая шичзе с отцом в подобном тоне, ей бы несдобровать. Да у нее и духу бы не хватило на такую дерзость. А теперь наставник благодушно отмалчивается. Очевидно, за время отсутствия Цзяньюэ характер старика претерпел поразительные изменения.

Покончив с чаем, Хэ Сяошу поднялся со своего места и подошел к столам с книгами. Наугад потянув один из томов, он пролистал несколько страниц и удивленно хмыкнул:

— Что за редкие трактаты ты тут сушишь? Даос Мучжу... Не припомню такого.

— Так, пустое чтиво для досуга, — уклончиво ответил Бянь Жугоу.

— Никогда о нем не слышал. Все-таки ты у нас человек ученый, мастер Бянь, — Хэ Сяошу покачал головой и аккуратно вернул фолиант на место.

Из задних комнат вернулась Бянь Шичжэнь, бережно неся продолговатую деревянную шкатулку. Она почтительно протянула ее Хэ Сяошу. Тот с благодарной улыбкой похлопал ее по плечу и вернулся к чайному столу, бережно опустив ларец перед собой.

— Желаете осмотреть здесь или пройдем на арену? — спросила она.

Хэ Сяошу отмахнулся, даже не взглянув на шкатулку. Его взгляд сфокусировался на Бянь Жугоу. Понизив голос, он спросил с затаенным сомнением:

— По пути сюда я заезжал в Янчжоу. Один наш общий знакомый просил передать весточку.

— Из Янчжоу? — эхом отозвался Бянь Жугоу. Его голос упал до шепота, добродушная улыбка мгновенно сошла с лица, уступив место прежнему суровому, пугающему величию. Взмахом руки он пресек лишние вопросы: — А-Юэ, Шичжэнь, идите займитесь делом. — И добавил, зыркнув на дочь: — Шичжэнь, присмотри за Ючжи в кузнице, пусть не отвлекается.

Бянь Шичжэнь на секунду замаялась, на ее лице отразилось разочарование — ей явно хотелось услышать продолжение разговора. Однако, взяв себя в руки, она молча кивнула Цзяньюэ, и они вместе вышли за ворота усадьбы.

Они свернули в соседний двор. Это была простая одноярусная постройка. Из широко распахнутых дверей центрального зала навстречу им дхнуло нестерпимым жаром горна. По обе стороны от главного помещения располагались мастерские, но сейчас открыта была лишь одна из них. Здесь и располагалась кузница Усадьбы Клана Бянь.

Бянь Шичжэнь завела Цзяньюэ в мастерскую. Внутри царил полумрак и прохлада, так что даже в солнечный день здесь приходилось жечь лампы. За столом сидела Суя: вооружившись гусиным пером, она аккуратно извлекала тончайший листок сусального золота из пачки темной вощенной бумаги. На просторной столешнице перед ней высились три аккуратные стопки заготовок, лежал тонкий бамбуковый нож, небольшая рамка из реек размером с ладонь и деревянный пенал для инструментов.

— А-Юэ, помоги ей с золочением, — распорядилась Бянь Шичжэнь.

Цзяньюэ послушно устроился рядом с младшей соученицей. Достав из пенала два замшевых напальчника и запасное гусиное перо, он натянул их на пальцы, разложил перед собой листы вощенной бумаги и принялся бережно переносить невесомые золотые хлопья со стола на заготовки. Бянь Шичжэнь тем временем вышла во двор.

Суя скосила на него глаза и тихонько прыснула:

— Что, все-таки сослали в ссылку?

Цзяньюэ лишь молча улыбнулся.

— Шисюн, расскажи, а в чем секрет этой вашей «Заковки Света и Постижения Луны»? — зашептала Суя. — Я наставника спрашивала, а он только отмахивается, мол, мала еще, все равно ничего не пойму. Четвертый шиди говорит, это невероятно сложная техника, ему она не далась. Еще рассказывал, что сам учитель постиг ее, только когда ему перевалило за пятьдесят. А ты, мол, разгадал этот секрет еще десять лет назад! Я как-то сунулась с расспросами к старшей шицзе, так она чуть не пришибла меня взглядом. Погоди, это как-то связано с полной луной? Вы куετε мечи под лунным светом? И что в них такого особенного? Напитываются космической энергией, да?

— С луной тут связь чисто символическая, — негромко отозвался Цзяньюэ. — Подобно тому, как луна управляет приливами и отливами, оружие, выкованное с применением этой техники, способно подчинять себе клинки противника, притягивать или отклонять их во время боя.

— Как это? Вы туда магниты закладываете, что ли? Магнитный меч? Или меч Магнето?

— Кого-кого?

— Ай, ладно, все равно не поймешь. Рассказывай дальше!

— Когда учитель решит, что ты готова, он сам все объяснит. Только сейчас это умение мало кому нужно. Те, кто заказывает у наставника мечи, либо коллекционеры, либо реквизиторы из киностудий, либо реставраторы. Настоящих сражений давно нет. А клинок, созданный через «Заковку Света и Постижение Луны», рождается с жаждой крови. Такой меч не вернется в ножны, пока не отведаст плоти.

Суя поежилась:

— Жутковато звучит... — Она перевела дух и сменила тему: — Но вообще у старшей шицзе характер портится с каждым днем. Совсем капризная стала. Наставник взял тебя на выставку — она дуется. Поручил тебе приглядывать за студентами-практикантами — она опять в ярости!

— Она и на тебя ворчит не меньше, — усмехнулся Цзяньюэ. — Мы с остальными ребятами у горна крутились с малых лет, когда под стол пешком ходили. А тебя взяли в ученицы в пятнадцать, да еще в первый же год позволили работать с золотом. Захотела — уехала на полгода, никто слова не сказал.

Суя шутливо показала кончик языка:

— Это потому, что я редкий талант! Наставник сам говорил, что из меня выйдет

непревзойденный мастер золочения.

— Просто учитель стал мягче. Научился хвалить учеников.

— Да просто мой отец, когда привез меня сюда, подарил ему бутылку шестидесятилетнего коллекционного маотая! — рассмеялась Суя, но тут же посерьезнела: — Хотя ты прав. После твоего отъезда наставник действительно перестал злиться по пустякам. Думаю, это из-за...

Цзяньюэ промолчал, не желая развивать эту тему. Суя смущенно кашлянула и прикусила язык. Он мягко улыбнулся:

— Договаривай, раз начала.

— Шисюн... А твой отец... Он ведь тоже был человеком крутого нрава, верно?

— Хочешь сказать, если Лянь Уцзэн при жизни славился тяжелым характером, то наставник, глядя на его одинокую старость, решил измениться, чтобы не повторить его судьбу?

Суя неловко хохотнула и мотнула головой в сторону окна. Цзяньюэ проследил за ее взглядом: мимо мастерской прошел Хэ Сяошу, бережно прижимая к груди заветный деревянный ларец. Вскоре во дворе показалась Бянь Шичжэнь — они негромко переговаривались, направляясь к воротам. У самого выхода к ним присоединился и старый кузнец. Хэ Сяошу еще раз горячо поблагодарил хозяев, попрощался и покинул усадьбу. Проводив гостя, Бянь Жугоу повернулся к дочери:

— Пойдем, поглядим, как там дела у Ючжи.

Суя проводила взглядом учителя и старшую шицзе, заметно замедлив работу. Цзяньюэ легонько постучал пальцами по столу:

— Не отвлекайся.

Девушка неохотно вернулась к золоту, но не успела она подцепить очередной листок, как со стороны кузнечного цеха донесся яростный, громоподобный рев старого мастера Бяня:

— Сколько раз тебе повторять?! Да если бы я собаку завел, за столько-то лет даже она бы выучилась!

Суя испуганно сглотнула и уткнулась в стол, с удвоенным усердием нарезая тончайшее сусальное золото.

Во дворе все еще гремел разгневанный голос наставника:

— А ну зови сюда своего третьего шиди!

Услышав призыв, Цзяньюэ на мгновение замешкался. Он вовсе не боялся попасть под горячую руку старика. Просто сквозь открытую дверь он уже видел, как к мастерской, пошатываясь, бежит бледный как полотно Чжао Ючжи. Стало быть, второй шисюн опять где-то сплеховал, допустил ошибку при ковке или не смог ответить на каверзный вопрос наставника. И теперь учитель вызывал Цзяньюэ, чтобы тот показал правильный ответ на практике.

Когда-то Чжао Ючжи был для него просто старшим соучеником. Пусть тот и пришел в школу раньше, занимались они у одного мастера и слушали одни наставления. Способности у всех разные: один схватывает на лету, другой плетется в хвосте — дело житейское. Но теперь, когда Ючжи женился на старшей шицзе и стал зятем наставника, их отношения усложнились. Цзяньюэ всеми силами старался избегать сравнений, которые учитель постоянно приводил в пример зятю. Он предпочитал сам выслушать порцию ругани, лишь бы лишний раз не позорить второго шисюна перед семьей.

Тем временем тяжело дышащий Ючжи ввалился в мастерскую, не в силах вымолвить ни слова от волнения. Тянуть дальше было нельзя. Цзяньюэ молча поднялся и направился в кузнечный цех.

Просторное помещение кузницы не имело перегородок и дышало первобытной мощью. Посреди цеха ревел раскаленный горн. Старый мастер Бянь сидел на низенькой табуретке прямо перед огнем. В левой руке он сжимал тяжелые кузнечные клещи, удерживая раскаленную докрасна заготовку — по характерному запаху окалина Цзяньюэ определил железо. В правой руке наставник держал ручник. Окунув боек в каменное корыто с водой, старик нанес три быстрых, точных удара по пылающему металлу и вновь отправил заготовку в пламя.

Синшань и Бянь Шичжэнь стояли поодаль, опустив головы и боясь пошевелиться.

Цзяньюэ подошел ближе. Заметив его, Бянь Жугоу протянул ему рукоять молота и коротко бросил:

— «Метод трех замедлений». Покажи.

Наставник поднялся, уступая место. Цзяньюэ уселся на табурет. Окунув боек в воду, он занес молот. Удар — резкий звон прокатился по цеху, следом другой. Раны на ладони отозвались острой болью. Он снова занес руку, мысленно отсчитал мгновение — пора опускать молот. Но вместо этого он нарочно помедлил еще долю секунды, нарушая ритм, и лишь затем обрушил боек на металл.

Едва молот коснулся железа, старый мастер Бянь с силой пнул ножку табурета, взревев с

новой силой:

— «Три удара резких, три размеренных, а рука не останавливается!» А ну повтори устав!

Цзяньюэ поднялся и, покорно опустив голову, без запинки отчеканил кузнечную присказку. Старик сердито засучил рукава и выхватил у него молот, принимаясь ковать самостоятельно. С каждым ударом он сыпал проклятиями:

— Хороши подмастерья, нечего сказать! Один туп как пробка, второй только и умеет, что даром хлеб переводить!

В дверях не вовремя показалась перепуганная Суя:

— Старшая шицзе, я закончила с золотом...

Лицо Бянь Жугоу побагровело, он остервенело бил по наковальне, не желая ничего слушать. Но Суя, набравшись смелости, добавила:

— Учитель, третий шисюн просто повредил руку, когда мы ходили в пещеру...

Услышав это, старик замер, наставил на Цзяньюэ дрожащий от гнева палец и взвыл на всю кузницу:

— А ну пошел вон отсюда!!!

Сuia окончательно обомлела и застыла на пороге. Цзяньюэ же спокойно поклонился и вернулся в жилой дом, где принялся помогать шинян Минмин чистить овощи и готовить обед.

К полудню все сели за стол во внутреннем дворике. Бянь Жугоу опустил на свое место первым, и только после этого сели остальные. Старик сидел, уперев ладони в колени. Никто не смел даже прикоснуться к палочкам для еды.

— Сегодня я спускаюсь с горы, — нарушил молчание Бянь Жугоу. — Выезжаем сразу после обеда.

За столом пронесся удивленный шепоток.

Наставник взял пиалу, приподнял палочки и продолжил:

— Едем в Янчжоу. Шичжэнь, Синшань, вы двое сопровождаете меня.

Немного помолчав, он добавил:

— Ючжи, пока меня не будет, по всем делам в кузнице советуйся с А-Юэ. Уяснил?

Чжао Ючжи поспешно закивал с самым кротким и послушным видом, боясь издать хоть звук.

Больше за обедом старый мастер не проронил ни слова, и остальные ели в полном молчании. Как только с трапезой было покончено, старик велел собирать вещи. Минмин и Ючжи бросились помогать отъезжающим, а Суя с Цзяньюэ остались прибирать со стола. На кухне младшая шицзе упрямо отбирала у него посуду, не позволяя мочить пораненную руку.

— Не переживай ты так, — мягко улыбнулся ей Цзяньюэ. — Наставник прогонял меня сотни раз. Кожа у меня притерпелась, так просто отсюда не выставишь.

Сuia не знала, злиться ей или смеяться. Оглянувшись на дворик, она попыталась пошутить:

— Надо же, наставник вместе со старшей шицзе и четвертым шиди решили лично проводить меня до подножия? Какая честь!

Цзяньюэ тоже бросил взгляд во двор. Старый мастер сидел на лавке под навесом и неторопливо курил. Он ведь завязал с табаком больше тридцати лет назад, но за последний месяц Цзяньюэ уже во второй раз видел его с сигаретой.

В первый раз это случилось во время ужина. Наставнику кто-то позвонил. Выслушав собеседника, старик отложил палочки, так и не притронувшись к еде, и велел жене принести пачку сигарет. Чиркнув спичкой, он выслал всех учеников из комнаты, оставив лишь Цзяньюэ. Долгое время он просто молчал, глубоко затягиваясь, и лишь когда сигарета догорела наполовину, глухо произнес:

— А-Юэ. Твой отец при смерти.

Цзяньюэ тогда оцепенел.

— Учитель, о ком вы? Какой еще отец?

Старый мастер Бянь тяжело, натужно вздохнул:

— А-Юэ, Лянь Уцзэн сделал для тебя очень многое. У него были свои причины поступить так, как он поступил. Ступай, проводи его в последний путь.

Цзяньюэ все понимал. У каждого в этой жизни своя ноша, свои скрытые мотивы и

непреодолимые обстоятельства. Он давно перестал держать зла на Лянь Уцзэна за то, что тот бросил его в этой глуши, под началом сурового мастера, и за все двадцать пять лет ни разу не прислал весточки, не сделал ни единого звонка, ни разу не навестил. Он просто... слишком часто забывал, что у него вообще есть отец. Что где-то в этом огромном мире у него осталась родная кровь.

<http://bllate.org/book/19697/1996235>